

Алексей НИКОЛАЕВ

ПИР

Участники¹:

Кравчий
 Халявщик
 Журналист
 Правдолюбец
 Фаталист
 Психоаналитик
 Счастливчик
 Юморист
 Новый русский
 Типичный совок
 Мафиози
 Мечтатель
 Моралист

К р а в ч и й. Господа, выпьем за то, за что действительно стоит выпить. На правах кравчего, объявляю пир открытым.

Х а л я в щ и к. Имеет смысл выпить за халяву, господа. Ведь жизнь — это дар.

К р а в ч и й. А вам не приходит в голову, что она еще и долг?

Х а л я в щ и к. Когда мне впервые пришло это в голову, господин кравчий, тогда-то я и почувствовал себя халявщиком.

Ж у р н а л и с т. Скажите, господин халявщик, халявщиком рождаются или становятся? Быть может, это призвание?

Х а л я в щ и к. Вы, не иначе, журналист?

Ж у р н а л и с т. Как вы догадались?

Х а л я в щ и к. По вопросам. Если уж говорить по существу о существе, известном как человек, надо выявлять сущность человека, не переходя на личности, господин журналист. Это значит, что на примерах отдельных личностей, в частности на примере моей скромной персоны, нужно говорить о человеке вообще — о том, что он такое.

Ж у р н а л и с т. Полноте, господин халявщик, человек вообще — абстракция. Интересна только конкретная личность.

Х а л я в щ и к. Экий интересный. Господин журналист, весь интерес в человеке представляет устройство человека, а конструкция-то у всех у нас одна и та же. Я представляю собой какую-то индивидуальность ровно в той мере, в какой моя личность отражает мою же человеческую сущность, а она такая же моя, как и ваша, только по-разному проявлена: индивидуализирована. Парадоксальным образом, личность уникальна в силу своей универсальности. Личность — это то, что человек представляет собой как человек. По достоинству оценить мою личность — значит оценить меня как человека, и эту оценку должен дать прежде всего я сам.

Ж у р н а л и с т. На мнение окружающих о вас, господин халявщик, вам, стало быть, плевать?

Х а л я в щ и к. Вы, господин журналист, по роду своей, простите, интересной профессии, видимо, много сталкиваетесь с так называемыми уважаемыми людьми, отчего могли возомнить, будто бы оценка окружающих что-нибудь значит в отношении качества чьей бы то ни было личности. Сами-то эти окружающие не должны ли быть личностями, чтобы оценить меня как личность? Не каждый в общей массе тянет на личность, не так ли? Ну, а если не окружающие, то кто же еще, кроме меня самого, оценит меня как личность и окажет мне подобающее уважение? Самоуважение — вот с чего начинается личность.

¹ В список действующих лиц попали социальные типажы 1990-х, ибо год написания пьесы — 1996.

Ж у р н а л и с т. Да кто же себя не уважает, господин халявщик?

Х а л я в щ и к. Господин журналист, уважать себя — значит уважать в себе человека: того самого, коего с фонарем искал один грек и коего вы принимаете за абстракцию. Человека-то надобно отыскать, дабы было что уважать. Если я не нашел в себе человека, то и уважать мне в себе нечего, остается только выпендриваться и пускать пыль в глаза. Вот так и получается, господин журналист, что много уважаемых людей — мало людей.

П р а в д о л ю б е ц. Случается так, что сущую истину проповедуешь вдалеке от нее.

Х а л я в щ и к. Вы действительно равнодушны к истине? Бедный Петрарка! Штука ведь не столько в том, господин правдолюбец, как мы относимся к истине, сколько в том, как она к нам.

П р а в д о л ю б е ц. Уж, конечно, не так, что жизнь — халява.

Х а л я в щ и к. Дело не в халяве, а в халявщиках. Халявы может и не быть, а халявщики всегда в наличии. Халявщик может и не проявиться, если жизнь так сложится, но он все равно халявщик, хотя по нему не скажешь, такой он страдалец. Господин правдолюбец, я просто-напросто толкнул благодарный тост за жизнь как дар. А чего вы, собственно, еще от меня хотите? Разве я что-то вам должен? Только халявщики с чего-то мнят, будто бы кто-то что-то им должен. Вы же не халявщик.

П р а в д о л ю б е ц. Да и вы никакой не халявщик, а чисто юродствуете. Скоморошничаете.

Х а л я в щ и к. Главное, не скоморошничать в правдолюбии и правдоискании. Забудьте, господин правдолюбец, это все тут пока только слова, похожие на правду. Ведь истина — пустой звук без любви к ней, которая проверяется на каком-нибудь костре, как патриотизм — в окопах.

П р а в д о л ю б е ц. Этак надо всякого, говорящего правду, подвергать пытке и смотреть, будет ли он и дальше утверждать то же самое.

Х а л я в щ и к. Как быть? Само слово истина, будучи произнесенным, к чему-то обязывает? Негоже всуе поминать правду, не правда ли? Ну, и что же мы с вами должны делать, дабы попусту не трепать ее доброе имя?

П р а в д о л ю б е ц. Следовать ей. Что же еще?

Х а л я в щ и к. А если у нас нет такой возможности или у нас не хватает такой решимости? Или есть и хватает, но мы не уверены в самой правде-то? Так лучше молчали бы в тряпочку, не так ли?

П р а в д о л ю б е ц. Ну, не знаю.

Х а л я в щ и к. Вот не знаете, а говорите. А можно что-то знать и поэтому молчать. Можно сказать то, что твердо знаешь, а сказав, увидеть, что не знаешь, что говоришь. Можно говорить одно, думать другое, делать третье, а знать только то, что для тебя первое. Можно от неправды жить по правде и можно по правде творить неправду. От любви к правде происходят сомнения в правде, а любить ее можно по-разному: как то, что зачем-нибудь нужно, и как то, без чего нельзя. Обычная ситуация правдолюбца такова: любить-то ты любишь ее, правду, да вот она как бы замужем — не твоя она, и получается Петрарка. А если она твоя, то она одновременно и общая, и любить ее надо как общее достояние. А чтобы полюбиться, правда должна нам понравиться, приглянуться, обратить на себя внимание, что от нас не зависит, это зависит от нее: от того, какая она есть, правда. Она такова, что ее частенько предпочитают выискивать там, где ее заведомо нет, а где же нет ничего похожего? Было бы похоже на правду. Отношения с истиной небезопасны, из-за чего они трансформируются в приспособление к истине. Если она норовит огорчить и ударить — чем на это ответить? Правда глаза колет и печалит дух. Комфортное состояние души — самообман: витание в иллюзиях. А состояние познания — это душевная работа, обязательно мучительная и необязательно спасительная.

К р а в ч и й. Господа, попрошу не брать в голову вольную ремарку господина халявщика к вопросу, что есть истина, иначе нам придется свернуть пир, едва начав.

Ф а т а л и с т. Напрасно беспокоитесь, господин кравчий. Пир не стоит мехов под свое вино, если он не есть нечто, чего не миновать.

К р а в ч и й. Вы рассудили, как заправский фаталист.

Ф а т а л и с т. А перед вами фаталист. Как фаталист рационалистской закваски замечу, что было бы неразумно не выпить за то, что делает неотвратимым ход вещей, а это есть логика вещей, она же сущность вещей, она же истина. Истина, господа, есть квинтэссенция судьбы, ибо составляет тот самый смысл, который человек ищет в жиз-

ни, идя при этом навстречу судьбе.

Психоналитик. Составлять-то составляет, но определяет жизнь истина в паре с ложью, господа, добавлю как психоаналитик, имея в виду судьбоносность самообманов.

Фаталист. Это не так уж фатально, господин психоаналитик. Уж в чем человек свободен, так это лгать или не лгать самому себе, а с тем и кому-то еще, кроме себя.

Психоналитик. И это говорит фаталист?

Фаталист. Больше скажу. Фатум эквивалентен свободе, ибо свобода — это мысль, а мысль фатальна, ибо закономерна. Я мыслю — я свободен.

Психоналитик. Да где же свободен? Ведь только в голове.

Фаталист. И это говорит психоаналитик? Не вы ли внушаете своим пациентам, что они освободятся от душевных заморочек, выразумев, с чего это их заклонило, то бишь познав себя, по дельфийскому рецепту.

Психоналитик. Именно так, господин фаталист, потому что наши мысли вертятся вокруг наших влечений, что больше напоминает рабство, чем свободу.

Правдолобец. Если только это низкие влечения, господин психоаналитик, не имеющие ничего общего, к вашему сведению, с истинной природой человека, представленной высокими стремлениями духа, свободного в своих стремлениях и несвободного под ярмом всего того, что порабощает наш свободный дух, будь то внешнее насилие вроде политической тирании и будь то внутреннее насилие вроде порочных страстишек.

Счастливчик. Господа, я из счастливчиков, которые могут сказать: я свободен. А знаете, почему? Потому, что я дружу с судьбой. Мне везет, как дураку. Это не так, чтоб я сыром в масле катался, без усилий мне ничего не достается, но им до того сопутствует удача, что я стал над этим задумываться и перестал считать, что каждый сам причина своего счастья и несчастья. Я не занимаюсь ничем таким, чего не смог бы любой другой. Я не отличаюсь качествами типа пробивных способностей. Я плохо представляю, что такое борьба за жизнь. Серьезные проблемы меня просто раздают, но они проходят стороной. Прямо чудеса, ведь это же все равно как на улице дождь, а ты сухой без зонтика. Господа, свобода — факт при наличии чувства свободы, а чувство свободы — это ощущение счастья. Я свободен, ибо я счастливчик и хорошо чувствую это. Теперь смотрите, что делает мысль. Во-первых, дело портят шкурные мыслишки, связанные с боязнью, как бы вдруг не переменялись счастливые обстоятельства жизни. Страх за свое счастье подрывает счастье и свободу. То же самое делает стыд, происходящий от моральных мыслей, порождаемых созерцанием чужих несчастий. Стыдно быть счастливым-то, когда кругом несчастные, кусок не лезет в горло в окружении голодных ртов. Чувство свободы перекувыркивается в ощущение несвободы от чувства вины перед обиженными судьбой. Моральные мысли — это прямо эринии какие-то, господа.

Психоналитик. Подобный комплекс вины формируется у всех порядочных людей.

Счастливчик. У вас, господин психоаналитик, поди, и сострадание формируется как комплекс.

Психоналитик. Не комплексуйте, господин счастливчик, это так естественно — сострадать. Не заполняя место, отведенное в душе под альтруистический объект, будь это хоть ваш домашний пес, вы создаете психологический минимум вины.

Счастливчик. Вот по этой собачьей логике душевных подмен, господин психоаналитик, мы обычно сочувствуем лишь для приличия, потому что стыдно не сочувствовать. Суть-то не меняется, состоящая в безразличии субъекта к субъекту. Что нас не касается, то и не трогает, а что не трогает, то и не касается. В результате душа бежит по кругу жалких психических церемоний, если она не простимулирована чем-то еще, кроме стыдливости с виноватостью.

Психоналитик. Чем же?

Счастливчик. Да состраданием, которое либо присутствует в человеке, либо отсутствует.

Психоналитик. Все, что есть в человеке, есть в каждом человеке. Господин халавщик подтвердит.

Счастливчик. Конструкция-то одна, да сплошь и рядом недоразвита, извращена и покорежена обстоятельствами жизни, дрянным воспитанием и чепухой, господствующей в людских представлениях о жизни и о самих себе. Да и от рождения

имеется множество различий в индивидуальных проявлениях нашей общей человеческой природы. Надо родиться сострадательным, чтобы маяться в классической манере мировой скорби. Я бы даже сказал, что сострадание — род призвания. Такова феноменальность сердобольных людей, у них аж в глазах доброта светится. А если ты равнодушный отродясь, то самое искреннее, во что выльется твое сострадание, — это понимающая физиономия и неловкость, да по возможности филантропия в самооправдание. Но оправдываться — последнее дело. По мне, коли уж не страдается, прямо так и скажи, ну, не во всеуслышание, конечно, а себе самому. Это, по крайней мере, честно. Что вы, господин правдолюбец, надо мною буквально нависли?

П р а в д о л ю б е ц. Честно, говорите? Говорите, оправдываться — последнее дело? Но человек есть нечто, что должно оправдаться. Это первое дело, а не последнее, господин счастливчик, ибо это дело совести. Грош цена бессовестному счастью, это не свобода, а иллюзия свободы: обман чувств и душевная ловушка потребительского толка. Свободен тот, чья совесть чиста. Поэтому все мы только и делаем втихаря, что оправдываемся пред ней или заключаем сделку с ней, уходя от суда. Ты оправдан — ты свободен.

С ч а с т л и в ч и к. Да что вы на меня все набросились. Невезучие, что ли, и завидуете? Я могу и зубы показать. Мое оправдание — я сам, счастливый человек, полноценный член общества, добропорядочный и трудолюбивый. Я один социально полезней целой толпы иных несчастных. Да я само добро в экземпляре. А что до сострадания — природа привносит его в мир, сколько требуется для ее целей, глядя вперед уж подалее какого-то правдолюбца. По-вашему, человек без сострадания — как без оправдания? Приплюсуйте-ка мою истину к своей.

П р а в д о л ю б е ц. С позволения господина кравчего, я ее вычту.

С ч а с т л и в ч и к. Ладно. Вопрос: все ли люди заслуживают сострадания-то? Я спрашиваю: всем ли несчастным, без разбора, должен я сочувствовать или только незаслуженно обиженным судьбой?

П р а в д о л ю б е ц. Да для начала хотя бы этим последним.

С ч а с т л и в ч и к. Значит, сострадать допустимо выборочно: рассудив, кто достоин сострадания, а кто — нет? Те несчастные, которые не заслуживают сострадания, всякие там убийцы с насильниками, пускай горят в геенне огненной? Их скрежет зубовой пусть никого не трогает?

П р а в д о л ю б е ц. Ну, зачем же доводить несчастных до скрежета зубов.

С ч а с т л и в ч и к. Нет, вы мне ответьте без экивоков: следует ли сострадать душегубам?

П р а в д о л ю б е ц. Отвечаю: истинное сострадание слепо, спонтанно и тотально, ибо это есть любовь.

С ч а с т л и в ч и к. Золотые слова, не правда ли, господа? В отличие от фальшивого, папахивающего геенной, истинное сострадание распространяется на все живое, включая убийц с насильниками. Теперь скажите-ка по правде, господин правдолюбец, разве эти несчастные лишены сострадания? Они имеют его в деятельности правозащитных и конфессиональных систем, да в лице всей современной гуманистической цивилизации, весьма милостивой к злодеям, не сажая их на кол. Хорошее государство — это все, что нужно, чтобы никто не был обделен состраданием. Не требуйте от меня сострадания, а требуйте быть хорошим гражданином.

П р а в д о л ю б е ц. Да я от вас ничего не требую. Я просто сомневаюсь, что это честно — не сострадать. Сомневаюсь потому, что не платить по долгам — бесчестно, а человечность есть сострадательность и долг, она обязательна, иначе нечего называться людьми.

С ч а с т л и в ч и к. По-вашему, я должен терять покой и не находить себе места от теленовостей? На третий день я сойду с ума, а вы?

П р а в д о л ю б е ц. Положим, я — тоже, но сказав «а», скажем и «б», чтоб было уж вполне честно. Положим, ваша социальная формула сострадания, по которой оно заключено в самой организации развитого гражданского общества, вполне уместна, но человек, как говорится, больше, чем гражданин. Положим, природа хочет человека, пребывающего с ней в гармонии, а это счастливый человек, но честный ли это человек, если он никак не соотносит свое счастье с несчастьями мира? Положим, наконец, есть заслуженное несчастье и незаслуженное счастье, но это звучит как судебный вердикт и прозвучит справедливо лишь по отношению к себе самому. Заслуженным может быть только собственное несчастье, господа, и только собственное счастье бывает незаслуженным. Справедливость — весьма интимная вещь. Ее не вычислишь, разгля-

дывая с пристрастием чужую душу, не заглянув в свою собственную и не помыслив себя в ближнем и ближнего в себе. Суждение человека о человеке должно начинаться с себя, иначе оно запрещено и равнозначно пересудам о чьей-то частной жизни. Это чистая сплетня — сказать, будто бы кто-то не заслуживает счастья, а с тем и сострадания. Ты как будто это в замочную скважину подсмотрел, а не подсмотрел бы, так и посочувствовал бы.

Юморист. Полно, господа, ломать трагедию, как будто все так уж серьезно и вовсе не смешно. Я напому о вопиющей бессмыслице бытия, превращающей жизнь в шутку и правду жизни в юмор жизни. Главный каламбур существования заключен в равенстве смысла жизни и абсурда жизни. Шутка сказать, но бессмыслица жизни небесмысленна, ибо нет ничего естественнее желания просто жить, без всякого смысла, убивать время и плыть по течению, в конце концов — послать подальше всю эту трагикомедию. Отшутиться. Юмор жизни в том, что смысл ее не имеет смысла, а бессмыслица имеет. Верх остроумия, не находите, господа? Понимаете ли, что происходит, господа? Искомый лучшими умами человечества смысл жизни, в чем бы он ни состоял, если он вообще есть, — это только полсмысла, и эти полсмысла не имеют смысла, в чем надо разуместь еще полсмысла. Полсмысла плюс полсмысла — получаем полный смысл. Смысл бытия включает в себя тщету жизни на правах своей законной половины. Суета равноценна великим делам, господа. Суета сует — положительная вещь, вещь стоящая, ибо по своей житейской значимости тянет на сущность всех вещей. Жизнь — абсурд с глубоким смыслом. Привет от Экклезиаста, господа! Как вам этот каламбур, господа, одновременно добрый, злой и никакой? Что хорошего в том, что смысл жизни перечеркнут ее бессмыслицей? Но и плохого ничего, даже наоборот, если учесть, что с абсурдизации бытия начинается духовный поиск в бытии. Правдоискание. Богоискание. Ловко придумано, а? Что доброго в трагедии, шутя разыгрываемой жизнью, словно комедия? Но и злого что? Такова жизнь, такие уж у нее шуточки, имеющие свободную транскрипцию, позволяя прочесть их как угодно. Понимай, как знаешь, это твоя проблема — как понять шутку, которую с тобой сыграла жизнь. Жизнь — розыгрыш. Жизнь есть нечто, что надо перехохмить. Человек появляется на свет в результате папиной шутки, понравившейся маме. Лучше всех чувствует себя в жизни тот, кто никогда не теряет чувства юмора, и расстается с ней легче тот, кто смеется в лицо смерти. Свободен тот, кто смеется. Свобода — это шутка, господа, из арсенала юмора жизни, за что и предлагаю выпить, а то бы совсем тоска.

Новый русский. Господин юморист, меня порадовал ваш спич. Вы сказали, прямо как я ощущаю. Жизнь — большая шутница, и надо ей ответить тем же, классно покурлесить и что-нибудь отчебучить. Пусть думают, что ты клоун. Как будто кто-то не клоун в этой клоунаде и не кукла в этом спектакле.

Кравчий. И в какой же роли заявлена ваша кукла?

Новый русский. Я, пардон, из новых русских. Можете показывать на меня пальцем, господа.

Кравчий. Не превращайте пир в фарс и цирк, господин новый русский. И вы, господин юморист, тоже. Обойдемся без эстрадных номеров. Если имеете сказать нечто, за что стоит выпить, — говорите.

Новый русский. Да, господин кравчий, у меня есть тост. Начну с того, господа, что меня весьма веселит напускная и раздражает наивная важность хозяев жизни, к коим сам принадлежу. Преуспевание в жизни — вещь вполне юмористическая. Занимаясь делами, я ловлю себя на мысли, что нет ничего смешней серьезной мины, с какой я ими занимаюсь, как будто смысл жизни в кармане нашел. Поистине, господин юморист, свобода — это юмор и его чувство, эквивалентное чувству свободы, господин счастливчик. И вы, господин фаталист, не соврали, да, свобода — это мысль, типа гори оно все огнем. А вы, господин правдолюбец, и того метче выразились: свободен тот, чья совесть чиста. Я бы это на долларах написал красным по зеленому, кровью مزدомного сердца, да и на рублях тоже. От себя добавлю, что свобода — это щедрость. Да-да, щедрость, господа, что вы так вытаращились. Ибо она вызволяет из рабства у мамоны и поднимает настроение лучше водки и оправдательного заключения. Как-то один типичный совок пожаловался мне, мол, я могу себе позволить широкий жест, а он вот не может, как будто в этом вся его беда. Беда, господа, когда мы не можем позволить себе щедрость. Которая не есть широкий жест. Жизнь заставляет нас раскрывать душу не шире, чем нужно для дела, но каждый из нас, господа, лелеет парадоксальное желание: отдать все, что он имеет, первому встречному. В благотворительных порывах я б иной раз и себя самого отдал, останавливает понимание, что сам-то я никому не нужен, но щедрость — это я, а не мои спонсорские деньги. И так как не от сердца она отрывает свои дары, но к сердцу прикладывает, то щедроты суть обогащение души.

Это хороший бизнес. Тост, господа: за оборот капитала души!

К р а в ч и й. Ай да новый русский — совсем не новый русский: широкая, как говорится, душа.

Т и п и ч н ы й с о в о к. К вашему сведению, господин новый русский, здесь присутствуют типичные совки, но кого вы, собственно, называете совками?

Н о в ы й р у с с к и й. Хотите определение совка?

Т и п и ч н ы й с о в о к. Будьте так щедры, одарите таким определением.

Н о в ы й р у с с к и й. Ну, если вы настаиваете. С совками, господа, дело обстоит так. Начнем с совка совка. Совок у совка — поистине совок, но сей физиогномический признак совка способен вводить в заблуждение. Происходит это так: ты надеешься, что это уже не такой уж и совок, а это совок совком, ну типичный, что выясняется по психологическому признаку совка: по совковости. Квинтэссенцию совковости составляет совковая подлость — мать совковой религии, громоздившей совковое счастье на костях убиенных и замученных. Свою жестоковыйную мораль, возведенную прежде в ранг имперского права и состоящую в плебейском толковании добра и зла, совок извиняет своими бесноватыми убеждениями. Совковые убеждения — это самая большая пена, когда-либо пузырившаяся у человеческого рта, и самая большая в мире хохма, но совок задвигал ее на всем серьезе и вовсе не хохмил. Отсюда совковый комплекс, состоящий в том, что совок, однажды почувствовав себя раздетым и выставленным на посмешище в своей подлой срамоте, так и живет с чувством своего открывшегося неприличия, что не следует путать с чувством исторической вины, оно неведомо совку, во всяком случае типичному. По-человечески совок достоин жалости, но сам он жалостлив не по-человечески, а по-товарищески. Резюме: совок должен вымереть, господа.

Т и п и ч н ы й с о в о к. Господа, господин новый русский, очевидно, думает, что попал в точку, — пальцем в небо он попал. Сам он совок, выросший на всем совковом и вскормленный совковым молоком совковой матери.

Н о в ы й р у с с к и й. Что ты сказал, совковая морда?

К р а в ч и й. Господин новый русский, драки не заказано. Я прослежу.

Т и п и ч н ы й с о в о к. Допустим, господа, это совок не состоявшийся, но уж не собиравались ли вы, господин новый русский, жить среди совков и не быть совком, только прикидываясь совком, дабы не быть сожранным? Речь идет как-никак о целой жизни. У вас никогда не возникало и не пугало вас ощущение ее бесконечности, при всей ее скоротечности? Все, что вы, господин новый русский, вешаете на соотечественников советской эпохи, не составит труда спроецировать на все народы и континенты, включая Антарктиду. Да впрочем, и пингвины, если приглядеться, типичные совки. Начать вам следовало с того, что все люди — совки, а закончить тем, что воистину совки. Полноте выпецдриваться. Копни на полштыка — желтым-желто: глина божья. Универсальный душевный субстрат. Да ведь, господин халявщик? Пластилин судьбы. С чего вы вдруг взяли, господин новый русский, что вы лучше тех, кому вы пришли на смену под солнцем? Я первый вас поздравлю при встрече на Страшном суде, если вы и впрямь лучше своих же отца и матери, но сами-то вы с чего это взяли? Это надобно еще доказать жизнью и проверить временем, чьи герои приходят и уходят вместе с ним.

М а ф и о з и. Кажется, мой выход.

К р а в ч и й. Как объявить?

М а ф и о з и. Право, не знаю, господин кравчий, такое рафинированное общество — и вдруг мафиози.

К р а в ч и й. Экая невидаль меж интеллектуалами — гангстер. Стало быть, господин мафиози, вы считаете себя героем нашего времени? И на каких же основаниях?

М а ф и о з и. Посудите сами, господин кравчий. Традиционно такой герой сочетает в себе нечто романтическое и демоническое, типическое и экстравагантное. Отличается умом, эгоцентризмом и запустелостью души. Горазд рискованно дефилировать по ту сторону добра и зла. В социальном контексте он лишний как тип недужный и опасный. Он манкирует общественной моралью и готов продырявить лоб обидчику, что и ныне, как встарь, отвечает некоторым понятиям чести. Таков классический типаж, расписанный лучшими перьями. Он никого вам не напоминает, господа? Не хватает одного характерного штриха, модифицирующего первообраз.

К р а в ч и й. Что же это за новенький штришок, господин мафиози?

М а ф и о з и. Низкое происхождение, господин кравчий. Поэты, изобразив

чайльд-гарольдов людьми из хорошего общества, будто бы постольку лишь и благородных, допустили узурпацию по отношению к претендентам из плебса. Байроническим духом осенен известный душевный склад, который не есть кастово-клановая принадлежность, а сам себе каста и клан — психология, объединяющая души, а не социальные элементы. И почему бы нашему современнику, мятущемуся на хрестоматийный романтический манер, не оказаться вне закона? В окружении подонков, норвящих всадить нож в спину, правила чести соответственно скорректированы. Вы скажете, зачем же водиться с подонками? А это, господа, лечит от онегинской скуки и печоринской тоже. Да и какая вам разница, кто с кем якшается? Вам ведь нужны только гарантии, что я вам не враг и могу быть полезен. Гарантий, господа, никаких, но вы можете меня уличить, если я мухлюю. Смотрите, однако же, чтобы и я не уличил вас в том же. Мы за карточным столом, где наша провокационная современность ехидно мечет карты судеб и где каждый под подозрением в шулерстве.

Ж у р н а л и с т. Нельзя ли поконкретней насчет сплина, господин мафиози? По хрестоматии, герою нашего времени полагается хандрить. Но может быть, его хандра уже носит чистый пенитенциарный характер?

М а ф и о з и. По хрестоматии, господин журналист, романтический сплин возникает в разреженной атмосфере духовных высокогорий, отличающих самосознание героя.

Ж у р н а л и с т. Есть у меня каверзный вопросик, господин мафиози. По-вашему, герой нашего времени наделен от природы таким байроническим благородством духа, но, в отличие от предтеч, он за обыкновение плебей, выходец из народной гущи. Манифестированная исключительность вашего благородия, господин мафиози, должна быть приведена в соответствие с положением в обществе, не так ли? Какой же это герой, если его пинают? Чтоб выскочить из грязи в князи, надобно протраться к игральному столу, где делаются крупные ставки, и удачно сблефовать: сорвать банк. Стало быть, героя нашего времени делают блеф и случай (расклад). Выходит, это случайный и пустой герой, возникающий из пустышки блефа, как карта ляжет?

М а ф и о з и. Это и есть ваш каверзный вопросик?

Ж у р н а л и с т. Он самый.

М а ф и о з и. Вы передернули, господин журналист. Герой — это герой еще до игры, в которой он выигрывает или проигрывает самого себя. Блеф есть способ самореализации героя. В случае проигрыша герой долженствует просто пропасть. Все или ничего — такова ставка героя, равная цене жизни и мира.

М е ч т а т е л ь. Есть неигральные вещи, господин мафиози. Мир поставлен на карту и разыгрывается, как карта, но он не карта.

М а ф и о з и. Это не имеет никакого значения. В мире нет ничего, включая сам мир, что люди не сделали бы предметом азартной игры. Чтоб оно все провалилось — хоть потоп в случае проигрыша и ядерный апокалипсис. Смысл такой.

М е ч т а т е л ь. Этот-то смысл и должен быть исключен. И будет исключен.

М а ф и о з и. Да вы мечтатель. Всякий выигрыш есть некоторая победа в жизни, а проигрыш — поражение, с чем человеческая душа, сколько-нибудь отчаянная, никогда не смирится, будет вечно подстрекать: пан или пропал. Победа или пропади все пропадом — весь мир. Но что вы так всполошились? Это ведь только в уме придают такой смысл вероятному фиаско.

М е ч т а т е л ь. Как раз в умах мир и черпает качество бардака.

М а ф и о з и. Да ладно. Да что же миру сделается, господин мечтатель, если я мысленно отправлю его в тартарары?

М е ч т а т е л ь. Вот туда-то он засим и катится время от времени. В большой игре мир не в счет: сброшен со счетов. Как же не в счет, возразите вы, он-то и стоит на карте. Стоять-то стоит, но мир не монета, кочующая из кармана в карман. Проигранный, он может и рухнуть, как рухнул дореволюционный русский мир. Поставить мир на карту — значит создать угрозу, что он не достанется никому. Это продельвает тот, для кого мир не имеет никакой ценности, кроме картежной. Следовательно, и на карте-то мир для игрока вовсе не стоит, хотя представляет для него разыгрываемую карту. Это только в уме игрока, но этого достаточно, чтобы мир натурально, а не только в чем-то умишке, оказался поставленным на карту. Пошла игра, делаются ставки.

М а ф и о з и. Что ж, горе проигравшему. Мир принадлежит герою по праву смелого.

М е ч т а т е л ь. Вы проворачиваете духовную аферу, господин мафиози, вы мухлю-

ете, я поймал вас за руку.

Мафиози. Аргументы, аргументы, господин мечтатель.

Мечтатель. Вы будете смеяться, господин мафиози. Мой главный аргумент — мечта.

Мафиози. Чего ж еще ждать от мечтателя. Но я не буду смеяться, ибо я романтик, как всякий игрок, хотя игрок, как не всякий романтик. Открывайте свои козыри, посмотрим, что у вас за мечта.

Мечтатель. Мечта о человеке.

Мафиози. О каком там еще человеке?

Мечтатель. Да просто о человеке, которым надо просто быть. Что вы так снисходительно улыбаетесь, господин мафиози?

Мафиози. Да ведь вы только мечтаете, господин мечтатель. Вы очарованы человеком, сущим в вашей мечте, а человек, сущий в мире, есть нечто разочаровывающее, будучи испытуемым, и такое вот очарованное, будучи используемым. Человек — это одно из разочарований героя, разочарованного во всем. Все классическое очарование героя — в разочаровании.

Мечтатель. Это антигерой и ложный герой. Истинный герой нашего и всякого времени — человек.

Мафиози. Господин мечтатель, человека не существует, он ваша мечта. Существует двуногая тварь. Зловонная биомасса. Потребительская прорва. Зомбированное стадо. Пушечное мясо. Лопухий муравейник. Амбициозная пыль и похотливый прах.

Мечтатель. Э, да вы мизантроп, господин мафиози.

Мафиози. Для этого я слишком равнодушен к сброду, зовущемуся человечесством. Одна видимость людей. Люди только выглядят людьми. Они ненастоящие. Настоящих людей нет — есть субъекты, более или менее похожие на людей. Ваша мечта сводится к проблеме приличий, требующих от людей походить на людей. Человек не хочет быть человеком, предпочитая быть тварью божьей, а не сыном божьим. Для него милей лишь прикинуться человеком, а еще лучше — выдумать себя, создать себе выпендренный и доходный имидж в чужих глазах и собственных. Посмотрите на этот индюшатник, на это шоу мыльных пузырей. Заметьте, господствующие между людьми критерии оценки друг друга и самооценки, а это успех, доход и статус, никак не связываются ими с тем, что они люди, вот просто люди, которыми надо просто быть, как декларируете вы, господин мечтатель. Да какие же это люди, если сами для себя они лишь приложение к своему положению и кошельку? Людьюми они лишь считаются как маленькая формальность, а на деле они в своих же собственных глазах суть нечто, занимающее место под солнцем, экологическую нишу. Без места они сами для себя пустое место, а с местом будто бы люди. С утратой какого-то кресла человек перестает считать себя человеком, ибо человеком-то человек считает не человека, а вид, какой он принимает, и эффект, коего добивается. Заметьте, никто не запрещает людям быть людьюми, зато строго-настрою им запрещено быть зверьями, иначе кишки друг дружке выпустят бессмысленно и беспощадно. Что же это за люди, которые, дай им волю, превращаются в зверей? Господа, здесь затрагивалась проблема свободы или мне послышалось? Позвольте полюбопытствовать, а чья это, собственно, проблема? У рабов нет такой проблемы, господа, ибо у рабов нет чести, а свобода — это дело чести. Свободен тот, кто держит на высоте свое достоинство, не роняя его ни перед кем, будь перед тобой хоть Бонапарт, не говоря уж о всякой сволочи, напывлившей порфиру не по плечу. За вычетом чести в образе человеческого остается корыстолюбивая и наглая тварь с рабской психологией. Посмотрите, господа, как эти свободные граждане свободной страны лизоблудствуют перед начальством и норовят держать за челядь нижний чин, преследуя свою шкурную корысть и ничего, кроме корысти. Что же это за человек, господин мечтатель, который не сознает человеческого достоинства ни в себе самом, ни в себе подобных? Человека вашей мечты, господин мечтатель, насилу сыщешь и в мыслях человека, каков он есть.

Мечтатель. А сами-то вы кто, господин мафиози? Человек или двуногая тварь с неким собственным понятием чести, на ницшеанский манер? Имеет честь и сознает свое человеческое достоинство тот, кто имеет совесть, а она вещает в каждом из нас совсем не так, как вещаете вы, господин мафиози. Ваша судная тирада чего-то стоила бы, кабы судья там был подсудимым, стоящим перед судом в душе своей вперед прочих обвиняемых. Суд человека над человеком, не эквивалентный суду совести, есть неправый суд и самосуд. Да вы линчеватель, господин мафиози, если только вы не сам Христос, устроивший здесь маскарад. Лишь тот, кто идет на Голгофу, вправе судить человечество.

М о р а л и с т. Правильно, господин мечтатель, надо выводить на чистую воду всех этих обличителей человека, каков он есть, как будто сами они из другого теста и как будто человек обречен быть таким, каков он есть, во веки вечные. Со своей стороны (как, извините, моралист, разгадывающий ребусы из области этики), я имею парадоксальное замечание в развитие мысли господина мечтателя. Здесь собрались господа интеллигентного вида, но не позволите ли вы мне маленькое кощунство, господа, в отношении прав человека, сей интеллигентской святыни? У человека, господа, пожалуй, нет никаких прав.

К р а в ч и й. А как же, господин моралист, ну, например, мои права кравчего?

М о р а л и с т. Ваши права кравчего, господин кравчий, незыблемы, будьте покойны, точно так же как незыблемы права гражданина, но не человека. У гражданина — права плюс к обязанностям, у человека же — одни обязанности. Так называемые естественные права человека — это же нонсенс, господа. Ну что у нас могут быть за права от природы, господа? Что-то не припомню, чтобы меня спросили, а хочу ли я на свет-то родиться. Без моего ведома и согласия я вброшен в мир и принужден жить, повязанный житейскими необходимостями. Во исполнение всего того, чем я обременен в бытии, я наделен моральными правами и больше никакими, а те заключены в обязанности, словно в должностной инструкции, имея смысл оправдательной санкции. Душа устроена так, что на все в жизни надобно иметь моральное право, которое содержится в велении долга и дано во исполнение долга, вместе с чем необходимость просто жить преобразована в обязанность жить по совести. Господа, я ничего не имею против гуманистической апологии прав человека де-юре, но зачем же носиться с ними, как с торбой, в которой предметы культа? Роняя человека до уровня священного животного, правовой тотемизм и вытекающий из него правозащитный экстремизм чреватые де-факто заклятием тотема-то. Гуманизм не измеришь на правовой аршин. Гуманизм есть любовь к человеку, а любовь не знает других прав, кроме права на любовь, двоякого как право любить и быть любимым. Любовь говорит: люби — мораль и право приложатся. Они содержатся в любви. Но что, собственно, значит, господа, любить ближнего, как самого себя? Себя-то подчас и презираешь, и ненавидишь, и в жертву приносишь по требованию любви ради предмета любви, который должен заслуживать любви. При малейшем намеке, что тот ее недостойн, любовь как будто входит в противоречие с самой собою. Нельзя любить ближнего, не воспринимая его пороки как личную обиду. Я спрашиваю, господа, а как это — любить ближнего, как самого себя? На ближнего моего распространяются все те требования, какие я как честный человек предъявляю к себе самому. Душа — зал суда, где совесть — прокурор, выносящий приговор. Возлюбив ближнего, я приемлю его в душу свою и привожу на судилище, где тщетно он будет предъявлять какие-то другие права, кроме моральных, а те предъявляются как оправдание. И не было бы прощения ближнему моему ни в чем том мерзопакостном, что принес он с собой в душу мою, если б я не умел прощать самого себя, делая это из любви к себе. Но любовь к себе — это только начало любви к человеку. Тут прозвучало, что человек должен быть человеком, для чего человек должен найти в себе человека, а я добавлю, что человек должен возлюбить в себе человека. Отсюда и в ближнем я должен возлюбить человека, но не двуногую тварь господина мафиози с ее тварными правами и с ее тварной моралью. Любовь преследует благие цели, но в чем заключается благо ближнего, в коем я должен возлюбить человека, меж тем как тот, может, не хочет человеком-то быть, предпочитая быть двуногой тварью господина мафиози? Откуда я знаю, что будет для него добром и что злом? Дай бог для себя-то их не попутать. Вопрос о добре и зле — самый проклятый вопрос, господа. Все проклятые вопросы завязаны на вопрос о боге: о высшем законодателе, доводящем свою волю до нас голосом совести. Если бога нет, то у человека есть протестное право не согласиться ни с чем, к чему он принужден в бытии, и вообще отвергнуть жизнь, сочтя ее худым даром и кабальным долгом, вмененным обманном путем. Если бога нет, то человек сам себе высший законодатель, и не указчики ему ни совесть, ни уголовный кодекс. Если бога нет, то человек неподсуден, господа, и все позволено, как говорил один персонаж. Аргументы, аргументы, скажет нам господин мафиози, вскарбавшись на самый верх социальной лестницы и решив сжечь планету в приступе мизантропии. Чем будем крыть, господа? В этой связи извольте тост: аллилуйя, господа!

Немая сцена. Некоторые хотели было что-то сказать в ответ господину моралисту, но по знаку кравчего замерли с открытыми ртами, из которых синхронно вылетело одно неоговоренное слово: «Господи...» Взоры устремлены на кравчего.

К р а в ч и й. Аминь, господа, произнесен высший тост. Объявляю пир закрытым, оставляя пир открытым, ибо остаются открытыми вопросы пира.